

ИЗ СТРАНЫ ЧУДЕС

ТАНЯ была создана Алексеем Арбузовым много лет назад для великой актрисы Марии Бабановой. Таню играли сотни актрис, но никто «не переиграл» Бабанову. Не переиграла ее и юная Фрейндлих. Но не оказалась затененной Бабановой. И, вероятно, потому, что Таня — Фрейндлих так же современна для сегодняшнего зрителя, как Таня Бабановой — для вчерашнего.

Нет, она не модернизировала роль, не переиначивала ее ради злобы дня. Эта Таня — из шестидесятых годов, она менее наивна, чаще задумывается даже в часы полного счастья, не растворяясь до конца в своем безмятежном домашнем быте, в своем самопожертвовании любимому мужу. Она уже видит, что долго так продолжаться не может, и не столько верит, сколько уверяет себя, что это и есть счастье. Это встревоженная Таня, неопытная в жизни, она подсознательно обогащена историческим опытом. Пройдя через страдания, Таня — Фрейндлих приходит к себе самой, обновленной и человечески достойной.

Фрейндлих удивительно точно, по-шекспировски живописно ведет труднейшую сцену Джульетты, узнающей о смерти Тибальда и изгнании Ромео. Об ее игре можно сказать словами из роли: «Как этот вихрь меняет направление!». Сколько нюансов в переходах от тревоги к отчаянию, от ужаса к радости.

Или вот еще роль — Элиза Дулитл. Быть может, ближе к Шоу те актрисы, которые дерзкую плебейскую натуру Элизы разворачивают в пику аристократической холодности Хиггинсов. Но «чаплиниада» Алисы, не столько трогательная, сколько трогаящая, делает зримой победу сердца над ухищрениями разума.

Проследившая творчество актрисы, радуешься тому, что она многое может. Когда же ее образы сходятся воедино, этому поражаешься. Из такого столкновения, происшедшего на днях в Московском доме актера, была высечена искра необычайной зажигательности. Фрейндлих сыграла Малыша, сдружившегося с Карлсоном, который живет на крыше, варшавянку Гелену, разведенную жизнью с москвичом Виктором, осиротевшую Лику, которая встретила с бедным Маратом, и несчастную Катерину Ивановну из «Преступления и наказания». Была здесь и шекспировская Катарина, и брехтовская Пичем, и разноликая галерея телевизионных образов.

Помимо эффекта разности, несхожести, словом, множественности персонажей, столкнувшихся в одно время и в одном месте, радовало некое их единство. Оно определялось самой личностью актрисы, той «общей идеей», что свойственна ее таланту, тем нравственным основанием, к которому восходит ее создания. Искусство Фрейндлих, ее реалистическая манера сродни школе русского театра, с его углубленностью в душевный строй персонажа, непоказной человечностью, дорогой простотой изображения. И с годами в ней это растет и зреет. Все благороднее становится ее облик, насыщеннее, безыскуснее ее просто-та, богаче, органичнее средства выражения.

Она не представляет в «современном стиле», в котором конетство позой, фразой, подтекстом, слизанное с второсортных западных образов, губит и позу, и фразу, и подтекст, и значительность.

У нее все по-человечески просто и по-человечески глубоко, и, кроме всего прочего, удивительно женственно. Актрисы, подобные Фрейндлих, — это поэзия театра, они наделены душевной силой, которой хватает на всех зрителей и еще остается самим — на всю творческую жизнь.

М. ЛЕВИН.

Сов. культура, 1972, 8 марта